

В характеристиках Каченовского как «застудившего» литературу «хладного Зоила» («И хладный между тем Зоил / Ей Каченовский застудил / *Теченье месячных изданий*» — II, 417) можно увидеть пародийное противопоставление романтическим «горячащимся писателям», которых порицал Юст Веридиков в очередной серии своих «Мыслей и замечаний»: «Гете сказал, что писатель должен соблюдать возможное хладнокровие, дабы действовать сильнее на воображение читателей. — Наши господа *стихо-* и *прозо-*творцы поступают напротив: они как можно более горячатся, чтобы произвести в читателях хладнокровие к своим писаниям».³³

Наконец, был у Пушкина и повод обвинить Каченовского в нарушении «течения месячных изданий»: вполне исправно (раз в две недели) выходивший журнал как раз в апреле 1825 г. задержался более чем на неделю: 4-й номер вышел 7 марта,³⁴ 5-й, как и полагалось, — 21-го марта,³⁵ а следующий, 6-й номер вышел в свет только 15 апреля.³⁶ Если Пушкин имел в виду именно это обстоятельство, комментируемая эпиграмма была написана не ранее второй половины апреля 1825 г.

А. С. Бодрова

бекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part 1. P. 74–102; Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 164–182.

³³ Вестник Европы. 1825. Ч. 139. Февраль. № 4 (выход в свет 7 марта — см.: Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629). С. 307.

³⁴ Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629.

³⁵ Там же. № 22. 18 марта. С. 794.

³⁶ Там же. № 29. 11 апреля. С. 1023.

О ДАТИРОВКЕ «<ЗАПИСОК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА>»

Вопрос о датировке «<Записок молодого человека>» решался по-разному. Первый их публикатор П. В. Анненков, руководствуясь, вероятно, датой, упомянутой в тексте («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры...»), сообщил, что отрывок написан «в 1825 году, или вскоре после того».¹ П. А. Ефремов вынес эту датировку в за-

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 275.

главие, но в примечании предложил другую: набросок «писан в 1830 г. одновременно с „Повестями Белкина“, в которые и вошла большая часть его с маленькими только изменениями».² Эта датировка, принятая П. О. Морозовым,³ а затем окончательно и самим П. А. Ефремовым,⁴ была пересмотрена Ю. Г. Оксманом, который, указав на декабристское содержание наброска, созвучное с десятой главой «Евгения Онегина» (задумана в 1829 г., написана в Болдине осенью 1830 г.), назвал его «неоконченной пушкинской повестью 1829 года».⁵ Впоследствии ученый скорректировал данное решение, датировав набросок «условно» 1829–1830 гг.⁶ Эта же датировка была принята Л. Б. Модзалевским (VIII, 1058) и редакторами последующих изданий сочинений Пушкина.⁷ Уже позднее Н. Я. Эйдельман обратил внимание на то, что черновик «<Записок...>» написан на бумаге, которая «наиболее часто встречается в 1826–1827 годах и ранее», и справедливо заметил, что его датировку можно «несколько отодвинуть назад».⁸

Действительно, автограф «<Записок молодого человека>» (ПД 255) состоит из листов, относящихся, по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, к трем различным сор-

² Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 4. С. 393, 453. П. А. Ефремов имел в виду эпизод с описанием картинок в доме смотрителя, перенесенный из «<Записок молодого человека>» в текст повести «Станционный смотритель».

³ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 4. С. 339; в следующем издании П. О. Морозов опубликовал набросок в примечаниях к «Станционному смотрителю» как «вариант начала повести» (Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1904. Т. 5. С. 615–618).

⁴ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 5. С. 107–110.

⁵ Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка: (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. 1930. № 7. С. 219.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 4. С. 768; подгот. текста и коммент. Ю. Г. Оксмана.

⁷ Как правило, исследователи соотносили появление «<Записок...>» с временем создания «Станционного смотрителя» (окончен 14 сентября 1830 г.), поскольку один из эпизодов наброска был перенесен в текст повести (см. выше). Однако следует отметить, что Пушкин использовал не только близкие по времени наброски. Так, черновик лирического наброска «Когда порой воспоминанье...» (ПД 138, л. 1) той же болдинской осени содержит отсылки к незавершенному стихотворению «Кто знает край, где небо блещет...» (1827) или, например, замысел болдинской полемической заметки «Сам съешь» возник еще осенью 1825 г. в Михайловском (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому — XIII, 225).

⁸ Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 121–122.

там бумаги: № 52 (л. 1), № 244 (л. 2) и № 82 (л. 3–5).⁹ Остановимся подробнее на том, когда и где Пушкин их использовал.

На бумаге № 244 нам известны еще два автографа. Один из них — элегия «Погасло дневное светило...» (ПД 34), где первые четыре стиха написаны рукой Пушкина, остальной текст (ст. 5–40) — рукой Е. Н. Вульф с поправками А. Н. Вульф и П. А. Осиповой. Эта запись сделана в Тригорском в промежутке между 9 августа 1824 г. (дата приезда Пушкина в Михайловское)¹⁰ и мартом 1825 г. (временем составления тетради П. И. Капниста).¹¹ Второй — стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...» (ПД 92), которое традиционно связывают с именем гр. М. А. Мусиной-Пушкиной (урожд. Урусова; 1801–1853).¹² Вернувшись из ссылки в Москву (в сентябре 1826 г.), Пушкин до отъезда в Петербург (в мае 1827 г.) часто бывал в доме Урусовых и, по свидетельству П. А. Вяземского, был влюблен в их старшую дочь.¹³ Вслед за П. В. Анненковым, отнесшим стихотворение к 1827 г.,¹⁴ во всех последующих изданиях до большого академического оно также печаталось в разделе этого года. Н. В. Измайлов датировал «Кто знает край, где небо блещет...» предположительно февралем — мартом 1828 г. (III, 1157).¹⁵ Границы датировки были расширены М. А. Цявловским:

⁹ См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 101.

¹⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 431.

¹¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2015. Т. 2, кн. 2. С. 503–504; примеч. С. А. Фомичева.

¹² См. запись П. В. Анненкова среди материалов для биографии Пушкина: «Мусина-Пушкина, урожд. Урусова, потом Горчакова (посланника), жившая долго в Италии, красавица собою, которая, возвратившись сюда, капризничала и раз спросила клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал описанием Италии

Кто знает край.

Но клюква как противоположность была или забыта или брошена» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 341–342).

¹³ Подробнее см.: Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...» (Пушкин и гр. М. А. Мусина-Пушкина) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 369–372.

¹⁴ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 84; Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 439.

¹⁵ В статье М. А. Цявловского приведена следующая запись Н. В. Измайлова: «Датировано Анненковым 1827 годом без приведения оснований. Соображения П. О. Морозова, что оно не могло быть написано позднее ЛII строфы VII главы “Евгения Онегина” (т. е. не позднее осени 1828 г.), вполне убедительны» (Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...». С. 376). Имеются в виду четыре строки («С какою легкостью небес-

«...не ранее середины ноября 1827 г. и не позднее, вероятно, марта 1828 г.».¹⁶ Опираясь на заключительные строки стихотворения («Пиши Марию нам другую, / С другим младенцем на руках» — III, 98), исследователь предположил, что речь идет о втором сыне Мусиной-Пушкиной Александре, родившемся 10 июня 1827 г. По мнению Цявловского, встретиться с Мусиной-Пушкиной и ее младенцем Пушкин мог в период ее пребывания в Петербурге, куда она приехала, сопровождая ко двору свою сестру, княжну Софью Урусову, то есть с середины ноября 1827 г. до марта — апреля 1828 г.¹⁷ Однако эти рассуждения не исключают возможности, что, узнав о рождении сына Мусиной-Пушкиной, поэт написал стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...» вскоре после приезда в Михайловское.¹⁸ Темные чернила, тонкое перо и почерк автографа очень близки к «михайловским» автографам этого времени в тетрадах ПД 833 и ПД 836.¹⁹

Бумагу № 82 Пушкин в основном использовал во время ссылки в Михайловском в декабре 1825 — ноябре 1826 г. На ней написаны черновик «<Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>» (ПД 292), перебеленный текст перевода из «Orlando furioso» («Неистового Роланда») Л. Ариосто (ПД 78), фрагмент воспоминаний о Карамзине («Кстати замечательная черта...»; ПД 416), частично вторая беловая редакция «Графа Нулина» (ПД 893, л. 3/6) и записка «О народном воспитании» (ПД 1734, л. 1/18, 3/16, 4/15, 6/13).²⁰ На этой же бумаге в Михайловском, но уже год спустя,

ной ~ Во всех движениях полна!...»), которые в несколько измененном виде перенесены Пушкиным из черновика стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...» (III, 648) в строфу LII седьмой главы «Евгения Онегина», законченной 4 ноября 1828 г.

¹⁶ Цявловский М. А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет...». С. 378.

¹⁷ Подробнее см.: Там же. С. 376—377.

¹⁸ Пушкин прибыл в Михайловское в конце июля 1827 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 287).

¹⁹ См., например, черновики «<Арапа Петра Великого>» (ПД 836, л. 20, 20 об., 21—21 об., 22 об., 24—24 об., 25—26, 27 об., 28—28 об.; ПД 833, л. 83, 82 об.), шестой и седьмой глав «Евгения Онегина» (ПД 836, л. 23—23 об., 21 об.—22, 26), стихотворения «Сводня грустно за столом...» (ПД 836, л. 26—26 об.) и др. (Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.]. СПб.: Лондон, 1995. Т. 3; 1996. Т. 4).

²⁰ Эти автографы датированы Т. И. Краснобородько (см.: Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part 1. P. 66—73, 106).

в конце сентября — до 13 октября²¹ 1827 г., набросан черновик начала седьмой главы «<Арапа Петра Великого>» (ПД 251).²² Не исключено, что пушкинские выписки из «Календаря или месяцеслова на 1721 г.» (ПД 708)²³ и «Четых миней» (ПД 709),²⁴ которые условно датируются 1830-ми гг., также могли быть сделаны в Михайловском.

Таким образом, большинство вышеперечисленных автографов были написаны Пушкиным в Михайловском или Тригорском, что позволяет говорить о локальном использовании бумаги № 244 и № 82.

Начало «<Записок молодого человека>» находится на листе, вырванном из Лицейской тетради ПД 829 (бумага № 52),²⁵ ко-

²¹ Дата отъезда Пушкина в Петербург (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 307).

²² В большом академическом издании Д. П. Якубович указал только место и дату, когда был начат роман: «31 июля 1827 г. в с. Михайловском» (VIII, 1049). Позднее Г. А. Лапкина справедливо заметила, что все шесть глав были начерно написаны еще в августе в Михайловском (см.: *Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого»* // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 296). Однако, по мнению исследовательницы, к наброску седьмой главы, сохранившемуся на отдельном листе ПД 251, Пушкин вернулся уже позднее, в Петербурге, после того как в марте 1828 г. прочел друзьям главы «<Арапа...>» (см.: Там же). Это предположение не кажется убедительным, если учесть, что бумага, на которой написан этот автограф, использовалась в основном в Михайловском.

²³ Описание этого автографа впервые опубликовано В. И. Срезневским, который дал ему широкую датировку: «копия 1820—1830 гг.» (*Срезневский В. И. Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой* // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 32). Позднее Л. Б. Модзалевский датировал выписки из календаря предположительно 1836 г., связав их с подготовкой статьи для «Современника» — см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 589; Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 252, 311.*

²⁴ И. А. Шляпкин датировал выписки 1829—1830 гг. (см.: *Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина*. СПб., 1903. С. 53), в описании рукописей Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского и во втором издании «Рукою Пушкина» они датированы 1830-ми гг. (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 253; Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 552; примеч. С. А. Фомичева).*

²⁵ На бумаге, вырванной из той же тетради, до нас дошли еще два пушкинских автографа — ПД 25 (стихотворения «Там у леска, за ближнею долиной...» (1817) и «Царское Село» (1819)) и ПД 880 (беловой автограф стихотворения «Орлову» (1819)).

торая, по-видимому, была у Пушкина в михайловской ссылке.²⁶ В следующий приезд в Михайловское (в конце июля — середине октября 1827 г.²⁷) поэт вряд ли взял ее с собой из Петербурга. Кроме того, разный формат листов и разные сорта бумаги, на которых велась работа над «<Записками молодого человека>», свидетельствуют о том, что Пушкину явно не хватало писчей бумаги.²⁸

Содержание «<Записок...>» также не противоречит тому, что набросок мог быть написан в Михайловском. Ю. Г. Оксман первый обратил внимание на зачеркнутую начальную фразу в черновике («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры [в Ч<ерниговский> полк], 6<-го> получил повеление отправиться в полк [в Киевскую губернию] в местечко В<асильков>, 9<-го> выехал из П<е-тер>Б<урга>»), указывающую на исторические обстоятельства, от которых мог отталкиваться Пушкин при замысле нового произведения.

Исследователь имел в виду «трагическую историю появления и гибели в рядах восставшего Черниговского полка девятнадцатилетнего Ипполита Муравьева-Апостола. Только что произведенный в прапорщики, он выехал зимою 1825 г. из Петербурга к месту своего назначения, в Тульчин, дорогой, рассчитывая на свидание с братом, свернул в Васильков, куда неожиданно попал в самый разгар восстания, с энтузиазмом стал в ряды революционных черниговцев, при столкновении с правительственными войсками был тяжело ранен и, не желая пережить разгрома мятежников, застрелился».²⁹ Восстание Черниговского полка, проходившее под руководством С. И. Муравьева-Апостола, началось 29 декабря 1825 г. и было подавлено 3 января 1826 г.

Информацию о всех этих событиях Пушкин получил, скорее всего, в Москве, куда он в срочном порядке прибыл с фельдъегерем

²⁶ По свидетельству И. П. Липранди, отец и брат поэта передали через него в Кишинев «огромный пакет с письмами, с какою-то тетрадью и включавший в себе пятьсот рублей» (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний: Заметки на статью «Пушкин в южной России» // Русский архив. 1866. № 10. Стб. 1484). К тому времени в Петербурге могла находиться единственная пушкинская тетрадь — ПД 829 (Лицейская), так как следующие шесть тетрадей (ПД 830—835) были начаты поэтом уже на юге.

²⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 287, 308.

²⁸ О чернильном и бумажном кризисе в период михайловской ссылки см.: Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 70.

²⁹ Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка: (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. 1930. № 7. С. 218.

8 сентября 1826 г.³⁰ для аудиенции у императора Николая I и где провел почти два месяца — до 2 ноября.³¹ В это время он познакомился с В. П. Зубковым, другом И. И. Пущина, побывавшим в заключении по делу декабристов, и часто бывал у него,³² встречался с П. Я. Чаадаевым, навещал князей Трубецких.³³ Несомненно, в дружеском кругу поэт узнал много подробностей о казни пятерых возглавивших восстание декабристов (13 июля 1826 г.), среди которых был и С. И. Муравьев-Апостол.

Вернувшись в Михайловское, Пушкин не переставал размышлять над декабрьскими событиями, составляя по распоряжению царя официальную записку «О народном воспитании».³⁴ Он вполне мог задумать в это время и повесть о молодом прапорщике, однако сразу же оставил работу над ней, понимая, что напечатать ее будет невозможно.

Таким образом, можно предположить, что «<Записки молодого человека>» написаны в Михайловском после возвращения Пушкина из Москвы, то есть между 8 и 23 ноября 1826 г.³⁵ Характер почерка и чернила других автографов этого периода также не противоречат данному предположению.³⁶

С. Б. Федотова

³⁰ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 169.

³¹ См.: Там же. С. 198.

³² Об этом см.: *Модзалевский Б. Л.* Василий Петрович Зубков и его записки // *Пушкин и его современники*. СПб., 1906. Вып. 4. С. 103—104.

³³ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 172.

³⁴ См. также его рисунки конца ноября 1826 г. в тетр. ПД 836, л. 37 (*Пушкин А. С.* Рабочие тетради. Т. 4), изображающие казнь декабристов: виселицы с пятью повешенными (К. Ф. Рылеевым, П. И. Пестелем, С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым, П. Г. Каховским), а также портреты С. П. Трубецкого, П. С. Пущина и др. и запись строки: «И я бы мог как [шутя <сечь>]» (см.: *Дьяловская Т. Г.* 1) Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // *Литературное наследие декабристов*. Л., 1975. С. 202—206; 2) *Рисунки Пушкина*. 4-е изд., стереотип. М., 1986. С. 178—186).

³⁵ Утром этого дня Пушкин отправился в Москву (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 2. С. 205).

³⁶ См., например, черновики записки «О народном воспитании» (ПД 836, л. 45 об.—43, 41 об.) и пятой главы «Евгения Онегина» (ПД 836, л. 41—37 об.).